

«Нечто загадочное»: субстантивация прилагательных и причастий после местоимений в русском и немецком языках^{*}

Анна Владимировна Павлова

Майнцский университет, Майнц, Германия
Контакт для переписки: anna.pavlova@gmx.de

Аннотация. Несмотря на отсутствие запретов на субстантивацию прилагательных и причастий в русском языке и на продуктивную природу модели субстантивации, окказиональные субстантиваты-прилагательные или причастия относительно редко встречаются в русских текстах, что становится заметно при сравнении с другими языками, такими как немецкий. При сравнении немецких примеров с их русскими переводами, приблизительно в 50% переводов окказиональных субстантиваций прилагательных и причастий в немецком тексте не используются эквивалентные формы в целевом языке. При этом почти все случаи субстантивированных прилагательных в немецком тексте после местоимений — напр., *etwas, einiges, nichts, viel, wenig* и т. п., соответствующих русским неопределенным местоимениям и наречиям вроде *нечто, что-то, кое-что, много, мало* и т. д., — переводятся с использованием полных эквивалентов. Сложности с окказиональными субстантивациями прилагательных в русском и трудности перевода тесно связаны между собой. В статье высказывается гипотеза относительно причин проблемности субстантивации без поддержки местоимений и простоты той же операции при их участии.

Ключевые слова: субстантивация прилагательных, субстантивация причастий, неопределенные местоимения, эквивалентный перевод

Благодарности: Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

¹ Статья на основе доклада, представленного на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» (10–14 октября 2023 г., Тюмень, Россия).

Хотелось бы выразить сердечную признательность Галине Ивановне Кустовой, вдохновившей автора на написание этой статьи, а также поблагодарить рецензентов за ценные критические замечания и дополнения, свидетельствующие о глубоком знании предмета и высоком профессионализме.

Цитирование: Павлова А. В. 2024. «Нечто загадочное»: субстантивация прилагательных и причастий после местоимений в русском и немецком языках // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 6–22. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-6-22>

Поступила 22.10.2023; одобрена 23.11.2024; принята 02.12.2024

“Something mysterious”: nominalization of Russian and German adjectives and participles after pronouns^{*}

Anna V. Pavlova✉

Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany

Corresponding author: anna.pavlova@gmx.de✉

Abstract. Despite the absence of prohibitions on nominalizing adjectives and participles in the Russian language and the seemingly productive nature of the nominalization model, occasional nominalizations are relatively rare in Russian texts, which becomes noticeable when compared to other languages, such as German. In approximately 50% of cases of German-to-Russian translations, German occasional nominalizations of adjectives and participles are not translated using equivalent forms in the target language. At the same time, almost all cases of German nominalized adjectives after pronouns — like *etwas*, *einiges*, *nichts*, *viel*, *wenig*, among others, which correspond to Russian indefinite pronouns *нечто*, *что-то*, *кое-что*, *много*, *мало*, etc. — are translated using complete equivalents. The difficulties with occasional nominalizations of adjectives in Russian and the complexities of translation are closely interconnected. This article presents a hypothesis regarding the reasons for the problematics in nominalization without the support of pronouns and the simplicity of the same operation when they are involved.

¹ This article is based on the report presented on the 7th International Scientific Symposium “Russian grammar: constants, contexts, prospects” (October 10–14, 2023, Tyumen, Russia).

Keywords: nominalization of adjectives, nominalization of participles, indefinite pronouns, equivalent translation

Acknowledgements: The research was conducted using The Russian National Corpus (ruscorpora.ru).

I would like to express my heartfelt gratitude to Galina Ivanovna Kustova, who has inspired me to write this article, as well as to thank the reviewers for their valuable critical comments and suggestions, indicating their deep knowledge of the subject and their high professionalism.

Citation: Pavlova, A. V. (2024). "Something mysterious": nominalization of Russian and German adjectives and participles after pronouns. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 6–22. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-6-22>

Received Oct. 22, 2023; Reviewed Nov. 23, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

Под субстантивацией прилагательных и причастий понимается транспозиция в существительное без использования специальных средств словообразования¹; через транспозицию соответствующее прилагательное или причастие принимает в предложении синтаксическую роль, которую обычно играет существительное. Соответственно, рассматриваются окказиональные субстантивации и их результат — субстантиваты. Не анализируются различия между прилагательными и причастиями в отношении возможности их субстантивации.

Цель представленного исследования заключается в анализе случаев субстантивации прилагательных и причастий после местоимений в русском и немецком языках. Автор ставит задачу выявить, в каких случаях русские субстантивированные прилагательные, появляющиеся после местоимений, переводятся эквивалентными конструкциями на немецкий и наоборот — с немецкого на русский. Исследование также направлено на выяснение причин, почему некоторые окказиональные субстантивации, встречающиеся в немецких текстах, трудно переводимы на русский язык.

Методы исследования включают сравнительный анализ русских и немецких примеров субстантивации. Материалом служат корпусные данные. Сопоставляются русские и немецкие тексты в целях изучения распространённости и особенностей употребления субстантивированных прилагательных и причастий после местоимений, таких как *нечто, что-то, много, мало* и т. д.

¹ Такой способ словообразования именуется также безаффиксной деривацией [Лихтман, 1968].

Постановка проблемы

Окказиональные субстантиваты возникают в результате безаффиксной деривации, или транспозиции.

«[Их] оторванность от определяемого слова, близость выполняемой функции к характерной для имени существительного... создает условия для широкого использования таких форм в собственно предметном значении и, таким образом, их перехода в разряд существительных» [Барахоева, Костоева, 2018, с. 59].

Согласно грамматическим правилам в области словообразования для субстантивации прилагательных и причастий в русском языке ограничений нет, если не считать тенденции образования окказиональных субстантиватов скорее от качественных, чем от относительных прилагательных (однако и это не правило, а лишь тенденция). Каждое прилагательное или причастие в принципе может быть субстантивировано, и в конкретном контексте превращено *ad hoc* в существительное. Субстантивация *ad hoc* используется в основном в четырех сферах коммуникации.

1. Для обозначения конкретных референтов — людей, реже животных, — описанных выше в контексте и получающих в дальнейшем «ярлыки» в виде субстантиватов, являющихся точным или синонимичным повторением одной из названных характеристик, типа *клетчатый, писклявая*, если говорящий не знает или не хочет называть имен. В этих случаях субстантиваты-ярлыки мужского или женского рода.
2. Субстантивация помогает обозначать группы людей (реже животных) по их общему признаку: *страждущие, вернувшиеся* (множественное число, неконкретно-референтное употребление номинации). Обобщенное неконкретно-референтное обозначение групп возможно и путем использования субстантивированного прилагательного в единственном числе, обычно в мужском роде: «Умный в гору не пойдет».
3. Субстантивация прилагательных широко используется при придумывании прозвищ, особенно в криминальной среде, а также при использовании обращений в небрежно-панибратском стиле общения, например: «Тебе, молодой, пора опыта набираться».
4. В философских текстах мы обычно наблюдаем субстантивацию абстрактных прилагательных и возникновение существительных среднего рода: *изящное, безобразное*.

Однако если мы попробуем при порождении речи заняться неограниченной субстантивацией прилагательных и причастий хотя бы в одной из перечисленных сфер, то заметим, что у нашей чисто теоретической свободы имеются конкретные жесткие ограничения на практике. Если кому-то захочется сказать: «Я вчера встретил загадочных», то его, скорее всего, поправят или, как минимум, спросят, что или кого он имеет в виду, хотя в принципе должно быть понятно, что он именуется таким образом группу людей, обобщаемых по названному признаку.

Попробуем поэкспериментировать: ищем в сети с помощью поисковой машины Google¹ примеры со словосочетанием *произошло загадочное / случилось загадочное*. В общей сложности получаем порядка 25 тыс. примеров, но во всех этих примерах после прилагательного *загадочное* следует существительное: *убийство, происшествие, исчезновение* и др. Не отыскивается ни одного примера, где встретилось бы субстантивированное прилагательное. А поиск по сочетанию *произошло / случилось нечто загадочное* выдает более двух тысяч примеров. Если же продолжить поиск, заменив *нечто* на *что-то*, то мы отыщем еще порядка пяти тысяч примеров². Возникает впечатление, что неопределенное местоимение облегчает носителю русского языка задачу субстантивации — по крайней мере, в сфере субстантивации абстрактных понятий среднего рода.

При сравнении немецких примеров с их русскими переводами бросается в глаза, что немецкие окказиональные субстантивации прилагательных и причастий в приблизительно 50% случаев не переводятся с помощью эквивалентных форм целевого языка (подробнее см. [Pavlova, 2024]). В то же время почти все случаи, когда субстантивированные прилагательные встречаются в немецком тексте в позиции после местоимений и наречий — *etwas, einiges, nichts, viel, wenig* и некоторых других, являющихся соответствиями русских неопределенных местоимений или наречий *нечто, что-то, кое-что, много, мало*³ и др., — переводятся с помощью тех же форм, что и в оригинале, т. е. полными эквивалентами.

В этой связи интересен статус прилагательных, употребляемых в позициях после неопределенных местоимений, таких как *нечто, что-то, кое-что, что-нибудь, всё, все, один, сколь-нибудь, сколько-нибудь*, а также наречий *много, немного, мало*, например: «Я должен сказать тебе *что-то/кое-что/нечто* важное; Он сделал для нас *много* хорошего».

На первый взгляд, перед нами субстантивация прилагательного. Позиция для прилагательных, претендующих на статус субстантивированных, имеется также после отрицательных местоимений *ничто* («*Ничто* человеческое нам не чуждо») и *ничего* («*Ничего* нового»). Реже встречаются прилагательные после неопределенных местоимений, обозначающих живые существа: «В углу сидел *некто* огромный»; «Он обратился к *кому-то* свирепому»; «*Никого* подозрительного я не заметил»; «Тут к ней *один* лохматый всё ходил». При прилагательных могут быть и зависимые от них слова, например: «На меня повеяло *чем-то* давно забытым». Местоимения перед прилагательными могут создавать группы, например: «Чем же может быть привлекательна эта жизнь подросткам, юношеству, если в глубинных традициях нашей культуры *всё* *сколь-нибудь* *значимое* и *значитель-*

¹ Национальный корпус русского языка располагает недостаточным для наших целей количеством примеров.

² Подсчеты эти неточные из-за повторов: один и тот же пример может повторяться в сети несколько раз. Но для наших целей достаточно сравнить относительные, а не абсолютные цифры.

³ Вопрос о частеречной принадлежности служебных слов вроде *много, мало* спорный, но здесь он не ставится.

ное ей как раз противостоит?»¹. Некоторые сочетания местоимений с прилагательными способны вторгаться в коллокации и дополнять их, например: «Вчера ты *утверждал нечто обратное*» (изначальная коллокация: *утверждать обратное* — однако местоимение способно выступать третьим членом той же коллокации, дополнять ее).

С одной стороны, перед нами случаи окказиональной субстантивации прилагательных, что и утверждается в некоторых работах [Смирнова, 2007]². Это же подтверждается положением подобных прилагательных после неопределенных или отрицательных местоимений и их написанием с большой буквы в немецком языке, как принято отображать существительные. Вместе с местоимениями прилагательные выполняют в предложении функции, типичные для существительных: подлежащее, дополнение, сказуемое и обстоятельство.

С другой стороны, местоимения *нечто*, *что-то* и др. являются местоимениями-существительными. В подобных сочетаниях они сохраняют по крайней мере часть своих субстантивных свойств. Для грамматики русского языка образование групп существительных, следующих друг за другом и обозначающих один референт, нетипично; если такие группы и возникают, то их записывают через дефис: *медведь-шатун*.

Выскажем гипотезу: прилагательное после неопределенных местоимений-существительных обнаруживает некоторые свойства определения или предикатива к существительным-местоимениям: *нечто* — какое? — *странное*. Таким образом, субстантивация в таких позициях неполная, частичная. Перед нами переходное явление в области субстантивации.

Подтверждают эту гипотезу следующие особенности:

- 1) легкость, с которой после этих местоимений образуются субстантиваты в русском в нетипичном для языка положении;
- 2) при наличии в немецком местоимений перед субстантивированными прилагательными, последние переводятся на русский почти всегда полными эквивалентами, в то время как для самостоятельных немецких окказиональных субстантивированных прилагательных в других позициях регулярно наблюдаются сложности при переводе на русский — многие невозможно перевести субстантиватом без нарушения стилистической нормы.

Неорганичность окказиональных субстантиваций для строя русского языка и трудности перевода неразрывно связаны.

Проблема, кажется, новая для сравнительного анализа, поскольку в научной литературе не найдено информации по поставленному вопросу.

¹ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) [Савчук и др., 2024]. Основной корпус: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQuAggBMAE%3D>; параллельный корпус: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=deu> (дата обращения: 09.12.2024).

² Сложно судить, как много из этих субстантивированных прилагательных окказиональных, т. к. огромное количество подобных структур постоянно встречаются нам в текстах, а в речи мы создаем их не пословно, а извлекаем из памяти как цельные языковые единицы — коллокации: *нечто странное, что-то важное, много нового* и мн. др.

Обзор литературы

В русской научной литературе принято делать различие между диахроническими аспектами истинных субстантиватов и псевдо-субстантиватов. Истинные субстантивации представлены субстантивированными прилагательными, которые изначально происходят из группы «прилагательное + существительное», где с течением времени носители языка отказываются от употребления существительного (*ванная комната* → *ванная*); псевдосубстантиваты — это прилагательные, выполняющие функцию существительных, но никогда не употреблявшиеся как атрибуты (*набережная, пирожковая*) [Нестерова, Фашчанова, 2021, с. 53].

Диахронический аспект в другом контексте присутствует в справочнике [Розенталь, Теленкова, 2003, с. 543]: здесь делается различие между полной и частичной субстантивацией. При полной субстантивации прилагательное используется исключительно в функции существительного (например, для слов *гостинная, пирожное*), в то время как при частичной субстантивации прилагательные действуют как имена существительные, сохраняя свою прилагательную форму в других контекстах и выполняя морфологически соответствующие атрибутивные функции существительного (например, для слова *дежурный* — как существительное, а в сочетании *дежурный врач* — как обычное прилагательное).

Еще одним направлением исследования в русской лингвистике является категоризация субстантивированных прилагательных по семантике [Редькина, 2003; Кирсанова, 2006; Голубева, 2014]. Можно выделить ряд семантических классов, которые в основном или часто представлены субстантиватами, таких как помещения для определенных функций (*детская, дворницкая, учительская, диспетчерская*), события (*выпускной*), административно значимые документы (*накладная, обходной*) и т. д.

Помимо диахронического и семантического подходов, в русской лингвистике традиционно рассматривается тема субстантивации прилагательных и причастий с точки зрения различения обычной и окказиональной субстантивации. Согласно Г. И. Кустовой [2018], в русском языке окказиональные субстантивации могут быть произведены в первую очередь среди качественных прилагательных (как в басне Ивана Крылова «Волк и ягненок»: «У сильного всегда бессильный виноват»), тогда как субстантивация относительных прилагательных приводит к образованию новых лексем (например, *столовая, рядовой*).

Однако существуют исключения: качественные прилагательные могут быть лексикализованы в форме субстантивов (например, *сладкое, горячее*), а относительные прилагательные могут быть *ad hoc* субстантивированы (*Все ходят в зимнем*). Список исключений для обеих категорий прилагательных не определен, и приходится признать, что и относительные, и качественные прилагательные могут служить исходным материалом для создания окказиональных субстантивированных прилагательных, хотя имеется тенденция к использованию качественных прилагательных для создания окказионализмов.

В большинстве исследований подчеркивается, что субстантивация прилагательных в русском языке представляет собой продуктивную и активно используемую модель

словообразования [Ким, 1988, с. 22; Голубева, 2014, с. 65; Милютина, 2016, с. 21]. Узуальные субстантивированные прилагательные (СПрил), согласно некоторым авторам, фиксируются в словарях [Гайнутдинова, 2011, с. 10; Пшеничная, 2012, с. 140].

Однако достаточно поверхностного анализа крупнейшего русского лексикона [Горбачевич и др., 2004–...], чтобы убедиться, что многие привычные для носителей языка СПрил даже не упоминаются. При этом Большой академический словарь (БАС) в отношении отражения СПрил не всегда последователен. Так, слова *новенький*, *новенькая* со значением «новый член команды» приводятся как отдельные лексемы, а субстантивированное прилагательное *новое*, несмотря на то что коллокации *что нового*, *ничего нового*, *много нового* входят в устойчивый словарь русского языка, отсутствует как отдельная лексема; нет и примеров-коллокаций. То же касается и существительного *лучшее* — его нет в БАС, хотя толковый словарь Ефремовой [2000] включает его как отдельную лексему и Национальный корпус русского языка (НКРЯ) также рассматривает это слово как самостоятельную лексему. БАС не содержит слова *подозреваемый*, хотя оно является единственным возможным обозначением социальной роли «подозреваемого». Под леммой *виновный* также отсутствует СПрил со значением 'виновный'. При этом в том же словаре приведены две леммы, соответствующие гендеру: *обвиняемая/обвиняемый*. К слову *бедный* нет отдельной леммы-СПрил, но тот же словарь содержит СПрил *бедные* во множественном числе.

Как видим, распознать систему и логику за лексикографическим отображением СПрил в русских словарях не удастся. Эти наблюдения автора данной статьи подтверждаются обширным исследованием описанных лексикографических тенденций по отношению к учету узуальных СПрил в работе Смирнова [2006]. Из нее вытекает, что классификация субстантиватов по критерию узуальный/окказиональный при помощи словарей невозможна.

Узуальные субстантивированные причастия (СПрич) в БАС представлены по-разному. Многие записаны как отдельные лексемы в качестве лемм, и в тексте словарной статьи есть описание соответствующих СПрич, например для причастия *ведущий* приводятся субстантивированные формы *ведущий*, *ведущая* с соответствующим комментарием об их субстантивации. Однако некоторые СПрич отыскиваются только в статье о соответствующем глаголе. Например, слово *награбленное* указано под леммой *награбить* и рассматривается как форма глагола с комментарием о субстантивации причастия. В русской корпусной грамматике в статье о причастиях СПрич не упоминаются [Сай, 2011], но в то же время субстантивация русских причастий — тема многих специальных исследований [Лукин, 1957; Смолянинова, 1977; Чернега, 2011; Замятин, Сызранова, 2013]. Часто авторы отмечают, что причастие может субстантивироваться, когда оно проходит стадию прилагательного как промежуточного этапа перед окончательной субстантивацией [Ломтева, 1950; Филиппова, 2009, с. 187; Замятин, Сызранова, 2017, с. 26–27]. Однако языковой материал доказывает несостоятельность этого тезиса: не являющиеся прилагательными причастия могут быть субстантивированы [Гайнутдинова, 2010]. Тот факт, что субстантивируются не только отдельные причастия, но и причастные обороты, является достаточным доказательством, например: *упомянутое выше*, *давно забытое*. Слова, грамматически зависящие от причастия, подчеркивают и усиливают семантическую связь между причастием и глаголом, от которого оно происходит.

Кроме того, в русскоязычной лингвистике существует множество работ сравнительного характера, как по СПрил, так и по СПрич. Например, в отношении субстантиваций сравниваются русский и татарский языки [Гайнутдинова, 2011], лезгинский и английский языки [Билалова, 2015], русский и чешский языки [Чижова, 1997; Lenertová, 2017], русский и французский языки [Пшеничная, 2012]. Сравнительные исследования сосредоточены на функциональных, морфологических и семантических аспектах узуальных СПрил и СПрич.

В отличие от русской и русскоязычной лингвистики, современная немецкая германистика игнорирует тему субстантивации прилагательных и причастий, за исключением некоторых отдельных работ [Fuß, 2017]. В фокусе только аспект правописания и (в последнее время) употребление причастий-субстантиватов с учетом гендера: субстантивации причастий во множественном числе считаются гендерно нейтральными формами и активно используются в публичном дискурсе [Elminger, 2011]. Поверхностное отношение к теме субстантивации прилагательных и причастий в немецкой германистике, вероятно, обусловлено тем, что в немецком языке любая часть речи может быть субстантивирована без каких-либо ограничений, так что прилагательные и причастия в этом отношении не привлекают особого внимания [Elminger, 2011, с. 165]. В грамматике Дудена тема «Субстантивация прилагательных» занимает всего одну страницу (разделы 473, 474), где речь идет исключительно о склонении, образовании множественного числа и окончаниях [Duden, 2016]. Отдельного раздела по субстантивации причастий в грамматике Дудена нет.

В регулировании немецкой орфографии 2006 г. субстантивации уделено внимание:

«При субстантивации применяется концепция написания с заглавной буквы любых субстантиватов. Основопологающим для данной концепции является общее написание с заглавной буквы как истинных субстантиватов, так и форм, которые только кажутся субстантивированными» [IDS Sprachreport, с. 11–12].

До реформы СПрил и СПрич писались по-разному: то с заглавной буквы, то со строчной. Но несмотря на это регулирование орфографии даже в немецких текстах, опубликованных после 2011 г., можно встретить противоречивые формы написания СПрил и СПрич.

По интересующей нас теме — окказиональная субстантивация прилагательных и причастий после неопределенных местоимений-существительных в русском языке — специальных лингвистических исследований отыскать не удалось, за исключением статьи В. В. Бабайцевой, где справедливо указано, что в сочетаниях местоимений *всё, что-то, нечто* с прилагательными последние «обнаруживают субстантивные семы», что может приводить к созданию эллипсисов, где местоимение опущено [Бабайцева, 2010, с. 195–196]¹.

В целом ближе всего к высказанной здесь гипотезе — работы о полевой структуре языка и о переходных явлениях и синкретизме [Шигуров, 1988; Павлов, 1996; Бабайцева, 2000] и, в частности, исследования, посвященные частичной субстантивации [Высоцкая 2009].

¹ Хотя в текстах многих статей по субстантивации русских прилагательных и причастий встречаются словосочетания типа *нечто особенное* или *что-либо заслуживающее внимания*, сам феномен оставляется без внимания.

Результаты и обсуждение

Сопоставление и анализ переводных примеров

В переводах с немецкого на русский заметно, как сложно бывает переводчикам следовать оригиналу, когда они сталкиваются с СПрил. Ср. оригинал, в котором четырежды встречается окказиональная субстантивация прилагательного *gefleckt* («пятнистый») как анафорическое обозначение конкретной кошки, и перевод :

- (1) *Hinabgesprungen, gewährte ich alsbald eine große, schöne, weiß und schwarz gefleckte Katze [...]. Augenblicklich setzte ich mich ihr gegenüber und versuchte, dem innern Trieb nachgebend, in das Lied einzustimmen, das die weiß und schwarz Gefleckte angestimmt. [...] Die Gefleckte blickte mich an schärfer und emsiger, schwieg plötzlich, sprang mit einem gewaltigen Satz auf mich los! Ich, nichts Gutes erwartend, zeigte meine Krallen, doch in dem Augenblick schrie die Gefleckte [...]: »Sohn — o Sohn! komm! — eile in meine Pfoten!« [...] schon dies Gefühl mußte mich überzeugen, daß die Gefleckte wirklich meine Mutter war [...].* (Е.Т.А. Hoffmann. *Lebensansichten des Katers Murr*)

Как только прыгнул я вниз, я заметил тотчас же большую, прекрасную кошку, покрытую белыми и черными пятнами. <...> Во мгновение ока я сел против нее и, уступая внутреннему порыву, попытался запеть в унисон с пятнистой красавицей. <...> Пятнистая певунья посмотрела на меня пристальнее и внимательнее, вдруг замолчала и, сделав гигантский прыжок, подскочила ко мне. Не ожидая ничего хорошего, я выпустил свои когти, но в то же самое мгновение пятнистая дама воскликнула, роняя из глаз серебристые слезы: «Сын мой, о, сын мой! Приди, поспеши в мои лапы!» <...> это одно должно было убедить меня, что я действительно вижу перед собой родную мать <...>. (пер. Константин Бальмонт)

Бальмонт ни разу не решается обозначить кошку с помощью СПрил пятнистая, хотя, казалось бы, ничто не мешает привлечь его в качестве «ярлыка» уже при втором упоминании ¹, как это делает Гофман в своем романе. В то время как в оригинале СПрил *die Gefleckte* встречается четыре раза, в переводе Бальмонта пятнистая остается прилагательным-атрибутом в субстантивных словосочетаниях трижды из четырех упоминаний, а в четвертом переводчику с помощью полной синтаксической перестройки предложения и вовсе удается избежать этого, по-видимому, мучительного для него прилагательного. При этом Бальмонту приходится придумывать не вполне обычные для обозначения кошки существительные как опору для употребления прилагательного: красавица, певунья, дама.

Изобретение «подпорок» в виде существительных там, где в оригинале перед нами явные случаи субстантивации, встречается в переводной литературе часто. Ср.:

- (2) *Fürcht' ich mich am Ende vor Mamas Brief? Nun, Angenehmes wird er wohl nicht enthalten.* (A. Schnitzler. *Fräulein Else*)

¹ Ср., с какой легкостью Булгаков переводит прилагательные в существительные-ярлыки: «И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок ... <...> Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца» (Мастер и Маргарита).

Уж не боюсь ли я, чего доброго, маминого письма? Да, *приятных известий* не приходится ждать. (пер. Исай Мандельштам)

Имеются и другие способы ухода от необходимости переводить субстантивированные прилагательные и причастия с немецкого на русский — например, подмена прилагательных существительными:

- (3) Sein Geist sollte sich als scharf und stark beweisen und hatte die Arbeit *der Starken* geleistet. (Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften)

Его ум должен был доказать свою остроту и силу и выполнял работу *силачей*. (пер. Соломон Агт)

— или просто опущение, ср.:

- (4) Ich hege vielmehr die Überzeugung, daß der Agent ein Schurke war und daß *die armen von ihm Betrogenen* hier Gefahren entgegengehen, von denen sie keine Ahnung haben. (Karl May. Satan und Ischariot)

Напротив, я скорее убежден, что агент был законченным негодяем, а *бедные люди* встречаются здесь с такими опасностями, о которых они и не подозревают. (пер. Анатолий Москвин)

Если же в немецких текстах перед СПрил или СПрич обнаруживаются местоимения *etwas, nichts, alles, manch(es), viel(es), einiges* (русские соответствия: *нечто, что-то, кое-что, всё, ничего, много*), то задача переводчика по использованию полного эквивалента заметно облегчается, ср.:

- (5) Es ist doch *etwas Schönes, Herrliches, Erhabenes* um das Leben! (E. T. A. Hoffmann. Lebensansichten des Katers Murr).

Есть всё-таки в жизни *нечто прекрасное, изумительное, возвышенное!* (пер. Дора Коравкина, Владимир Гриб).

- (6) Leslie, *etwas Komisches* ist da passiert ... (Kerstin Gier. Rubinrot)

Лесли, произошло *нечто странное* ... (пер. Светлана Вольштейн).

- (7) Die Augen des Grafen waren sehr dunkel und sein Blick hatte *etwas Durchdringendes*, das mich sofort wieder an die Worte meiner Mutter denken ließ. (Kerstin Gier. Rubinrot)

Глаза графа были очень темными, а в его взгляде сквозило *нечто пронизывающее*, что невольно заставило меня снова подумать о маминых словах. (пер. Светлана Вольштейн).

Местоимения и, соответственно, прилагательные после них могут употребляться и в косвенных падежах. Например:

- (8) Da ward ihm erst recht heiß, er fing an zu laufen und wollte sich daheim ganz einsam in seine Kammer hinsetzen und *auf etwas Großes* für den letzten Wunsch sinnieren. (Jakob und Wilhelm Grimm. Kinder- und Hausmärchen)

Тут-то и бросило его в жар, и он чуть не бегом побежал, чтобы поскорее очутиться одному в своей комнате и, усевшись на место, подумать хорошенько *о чем-нибудь великом* для своего последнего желания. (пер. Пётр Полевой).

То же наблюдается и в переводах с русского на немецкий, ср. полностью эквивалентные переводы:

- (9) и мы сами, с каким-то священным ужасом благоговения, с сладким сердечным трепетом, чувствовали себя как бы живыми сосудами вечной истины, орудиями ее, призванными *к чему-то великому* ... (И. С. Тургенев «Рудин»)

und wir selbst, von einer heiligen Scheu, einem sanften Herzensschauert erfüllt, dünkten uns belebte Gefäße jener ewiger Wahrheit, ihre Werkzeuge, zu *etwas Großem* berufen ... (пер. Erich Behre)

- (10) Да, в самом деле крепче: прежде не торопились объяснять ребенку значения жизни и приготавливать его к ней, как к *чему-то мудреному и нешуточному*. (И. А. Гончаров «Обломов»)
Ja, sie waren in der Tat kräftiger. Früher beeilte man sich nicht, dem Kinde den Sinn des Lebens zu erklären und es dazu wie zu *etwas sehr Kompliziertem und Ernstem* vorzubereiten.
(пер. Clara Brauner)

В некоторых случаях в русский перевод упомянутые местоимения вставляются перед субстантивированным прилагательным даже там, где в немецком их эквивалент отсутствует. Ср.:

- (11) Die willkürliche Reihenfolge ist Prinzip, denn so lässt sich beiläufig *Grundsätzliches* einstreuen.
(Der Tagesspiegel, 19.12.2019)
Произвольный порядок — таков принцип, потому что он позволяет невзначай добавить *что-то* особенно *важное*. (пер. Inopress).

- (12) Daß der Chef *Wichtiges* bereden wollte, war seinem Gesicht anzusehen. (Siegfried Lenz. Fundbüro)
По задумчивому выражению лица начальника можно было заключить, что он собирается обсудить *нечто важное*. (пер. Галина Косарик)

В немецком оригинале слова *etwas* перед СПрил нет, а в русском переводе его эквиваленты-местоимения присутствуют. Это наблюдение служит дополнительным подтверждением в пользу предположения, что неопределенные местоимения служат своего рода поддержкой, опорой для субстантивации прилагательного и что субстантивация после таких местоимений неполная, частичная.

При этом мы регулярно встречаем случаи, когда местоимение перед СПрил или СПрич при переводе с русского на немецкий опускается, ср.:

- (13) Но именно в эту секунду в ушах титулярного советника раздался серебристый звон, разум утратил способность разбирать слова, а со зрением вообще приключилось *нечто небывалое* (Б. Акунин ¹ «Алмазная колесница»)
Doch in diesem Augenblick ertönte in Fandorins Ohren ein silbriges Klingen, der Verstand büßte die Fähigkeit ein, Worte zu verstehen, und mit seinem Sehvermögen geschah überhaupt *Unerhörtes*. (пер. Andreas Tretner)
- (14) Я почувствовала *что-то недоброе*. (Светлана Алексиевич «Последние свидетели»)
Ich ahnte *Böses*. (пер. Ganna-Maria Braungardt)

Такого рода способы перевода без местоимений свидетельствуют о том, что в немецком окказиональная субстантивация прилагательных не нуждается в какой-либо грамматической поддержке. Об этом же свидетельствует обилие субстантивированных прилагательных и причастий в немецких художественных текстах в целом. Некоторые авторы особенно склонны к этим формам: приверженность субстантивациям является одной из примет их стиля ².

¹ Настоящее имя — Григорий Чхартишвили, признан в РФ иноагентом, с 18 декабря 2023 г. внесен в перечень террористов и экстремистов.

² Например, в текстах Томаса Манна и Томаса Бернгардта.

Заключение

Несмотря на отсутствие каких-либо запретов и ограничений на субстантивацию прилагательных и причастий в русском языке, свободное использование словообразовательной модели субстантивации наталкивается на необъяснимые препоны, так что фразы типа «Наблюдается завораживающее» или «В этом есть искусственное» кажутся странными, вызывают неприятие. Однако подставив местоимение *нечто* или *что-то* («Наблюдается нечто завораживающее»; «В этом есть что-то искусственное»), ощущение неприятия удается устранить, что вызывает потребность исследовать причины подобного эффекта. Есть все основания полагать, что местоимения-существительные являются синтаксической поддержкой для субстантивации прилагательных и причастий; субстантивация после местоимений-существительных — неполная, частичная.

Список источников

- Бабайцева В. В. 2000. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа.
- Бабайцева В. В. 2010. Слово сочетания типа *всё новое, что-то новое, ничего нового* // Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научнометодических статей. Москва–Ставрополь: Изд-во СГУ. С. 193–200.
- Баряхоева Н. М., Костоева Ф. М. 2018. Субстантивация причастий в ингушском языке // Филологические науки. № 9(1). С. 57–60. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.12>
- Горбачевич К. С., Герд А. С. и др. 2004–... Большой академический словарь русского языка в 30 томах. Москва–Санкт-Петербург: Наука. Т. 1–27. <https://iling.spb.ru/dictionaries/344> (дата обращения: 09.12.2024).
- Билалова Х. А. 2015. К вопросу о субстантивации причастий в разносистемных языках (на материале лезгинского и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. № 1(1). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17188> (дата обращения: 09.12.2024).
- Высоцкая И. В. 2009. Субстантивация в свете теории синхронной переходности. Новосибирск: НГПУ.
- Гайнутдинова А. Ф. 2010. О разновидностях перехода причастий в имена существительные // Мир науки, культуры, образования. № 4. С. 65–68. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-raznovidnostyah-perehoda-prichastiy-v-imena-suschestvitelnye-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 09.12.2024).
- Гайнутдинова А. Ф. 2011. Частеречная транспозиция (субстантивация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком: автореф. ... д-ра филол. наук. Казань.
- Голубева А. Ю. 2014. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.
- Ефремова Т. Ф. 2000. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык.
- Замятина И. В., Сызранова Г. Ю. 2013. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адекватность, субстантивность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3. С. 118–127. https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn12313 (дата обращения: 09.12.2024).

- Замятина И. В., Сызранова Г. Ю. 2017. Адъективация и субстантивация причастных форм: проблемы процесса и вопросы терминологии // Филологический класс. № 3(49). С. 23–28.
- Ким О. М. 1988. Функциональная морфология русского языка (семасиологический аспект): учебное пособие. Ташкент: изд-во Ташкентского ун-та.
- Кирсанова И. П. 2006. Категориальное значение субстантивированных прилагательных и причастий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.
- Кустова Г. И. 2018. Прилагательное. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Лихтман Р. И. 1968. Существует ли безаффиксный способ словообразования? // Вопросы языкознания. № 2. С. 3–16.
- Ломтева Е. В. 1950. Адъективация причастий в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов.
- Лукин М. Ф. 1957. Переход причастий в существительные // Русский язык в школе. № 4. С. 43–46.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. 2009. Новый частотный словарь русской лексики. М.: Азбуковник. 1090 с. <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/jrd78un2xg/69157696.pdf> (дата обращения: 09.12.2024).
- Милютин М. Г. 2016. Субстантивация прилагательных в превосходной степени сравнения в современном русском языке // Вестник Удмуртского университета. Том 26. Вып. 5. С. 21–28.
- Нестерова Н. Г., Фашчанова С. В. 2021. Морфемика и словообразование в свете активных процессов в современном русском языке: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та.
- Павлов В. М. 1996. Полевые структуры в строе языка. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ.
- Пшеничная А. Ю. 2012. Субстантивация на основе прилагательных как вид узуальной конверсии (на материале русского и французского языков) // Научная мысль Кавказа. № 4. С. 140–143.
- Редькина О. В. 2003. Субстантивация как семантическое явление. Языковой и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров. <https://cheloveknauka.com/v/95032/a/>
- Розенталь Д. Е., Теленкова М. А. 2003. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: ОНИКС.
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания. № 2. С. 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>
- Сай С. С. 2011. Причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Смирнов Ю. Б. 2006. О разграничении окказиональных и узуальных субстантивированных прилагательных (лексикографический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Вып. 4. С. 57–67.
- Смирнова Е. В. 2007. Окказиональные субстантиваты: структура, семантика, функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень.
- Смолянинова М. И. 1977. К вопросу о степени субстантивации причастий // Карпов А. Н. (ред.) Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. Тула: Изд. Тульского гос. пед. ун-та. С. 42–58.

- Филиппова Л. С. 2009. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учебное пособие. М.: Флинта.
- Чернега Л. В. 2011. Субстантивация причастий в диахроническом и синхроническом аспектах // Вестник Таганрогского гос. пед. ун-та. № 1. С. 76–78.
- Чижова В. А. 1997. Субстантивация прилагательных и причастий в современном русском и чешском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- Шигуров В. В. 1988. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. Учебное пособие. Саранск: Изд-во Саратовского ун-та.
- Duden K. 2016. Die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch. 9. Auflage. Band 4. Berlin: Dudenverlag.
- Elmiger D. 2011. Von Dozierenden und Emeritierenden: Substantivierte Partizip-I-Formen im heutigen Deutsch // Travaux neuchâtelois De Linguistique. No. 55. Pp. 163–179. <https://doi.org/10.26034/tranel.2011.2797>
- Fuß E. 2017. Relativierungsverhalten und syntaktische Kategorie substantivierter Adjektive // Döring S., Geilfuß-Wolfgang J. (Hg.). Probleme der syntaktischen Kategorisierung: Einzelgänger, Außenseiter und mehr. VIII. Tübingen: Stauffenburg. S. 43–100.
- Lenertová G. 2017. Синкретизм частей речи: субстантивация имен прилагательных // Przegląd Rusycystyczny. № 3 (159). С. 114–131.
- Pavlova A. 2024. Substantivierte Adjektive und Partizipien und ihre Übersetzbarkeit (Deutsch und Russisch im Vergleich) // Sprache der Gegenwart — Sprache für die Zukunft: Akten des 57. Linguistischen Kolloquiums / A. Nurmi, M. Hirvonen, M. Kivilehto, D. Krenzler-Behm, H. Oksanen, D. H. Schmitz, A. Viljanmaa (Eds.). Pp. 137–161. <https://doi.org/10.51814/ufy.1039.c1445>

References

- Babajceva, V. V. (2000). *Transitivity Phenomena in the Grammar of the Russian Language*. Drofa. [In Russian]
- Babajceva, V. V. (2010). Word combinations like *everything new, something new, nothing new*. In V. V. Babajceva. *Selected Papers. 2005–2010* (pp. 193–200. SGU. [In Russian]
- Barachoeva, N. M. & Kostoeva, F. M. (2018). Substantiation of participles in the Ingush language. *Filologičeskie nauki*, (91), 57–60. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.12> [In Russian]
- Gorbachevich, K. S., Gerd, A. S., et al. (2004–...). Large Academic Dictionary of the Russian Language in 30 vols. Nauka. [In Russian]
- Bilalova, H. A. (2015). To the question of participle substantivisation in different languages (on the material of Lezghin and English languages). *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, (1). Retrieved Dec. 9, 2024, from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17188> [In Russian]
- Vysockaja, I. V. (2009). *Substantiation in the Light of the Theory of Synchronic Transitivity*. NGPU. [In Russian]
- Gajnutdinova, A. F. (2010). On the varieties of transition of participles into nouns. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, (4), 65–68. Retrieved Dec. 9, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/o-raznovidnostyah-perehoda-prichastiy-v-imena-suschestvitelnye-v-russkom-yazyke> [In Russian]

- Gajnutdinova, A. F. (2011). *Frequent Transposition (Substantivisation) in the Tatar Language in Comparison with the Russian Language* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Golubeva, A. Ju. (2014). *Conversion in Word Formation: Usus and Occasionality* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian]
- Efremova, T. F. (2000). *New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation. Russkij jazyk*. [In Russian]
- Zamjatina, I. V., & Syzranova, G. Ju. (2013). Semantic nature of participial forms: verbality, adjectivity, substantivity. *Izvestija vyssich učebnyh zavedenij. Povolžskij region. Gumanitarnye nauki*, (3), 118–127. Retrieved Dec. 9, 2024, from http://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn313 [In Russian]
- Zamjatina, I. V., & Syzranova, G. Ju. (2017). Adjectivation and substantiation of participle forms: problems of process and issues of terminology. *Filologičeskij klass*, (3), 23–28. [In Russian]
- Kim, O. M. (1988). *Textbook on Functional Morphology of the Russian Language (semasiological aspect)*. Taškent univ. [In Russian]
- Kirsanova, I. P. (2006). *Categorical Meaning of Substantivated Adjectives and Participles* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Kustova, G. I. (2018). *Adjective. Materials for the project of corpus description of Russian grammar*. (<http://rusgram.ru>). (Manuscript) [In Russian]
- Lichtman, R. I. (1968). Is there an affix-free method of word formation? *Voprosy jazykoznaniya*, (2), 3–16. [In Russian]
- Lomteva, E. V. (1950). *Adjectivisation of Participles in the Modern Russian Language* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Lukin, M. F. (1957). Transition of participles to nouns. *Russkij jazyk v škole*, (4), 43–46. [In Russian]
- Ljaševskaja, O. N. & Šarov, S. A. (2009). *New Frequent Dictionary of Russian Lexicon*. Azbukovnik, Retrieved Dec. 9, 2024, from <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/jrd78un2xg/69157696.pdf> [In Russian]
- Miljutina, M. G. (2016). Substantiation of adjectives in the superlative degree of comparison in the modern Russian language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 26(5), 21–28. [In Russian]
- Nesterova, N. G. & Faščanova, S. V. (2021). *Textbook on Morphemics and Word Formation in the Light of Active Processes in the Modern Russian Language*. Tomsk Univ. [In Russian]
- Pavlov, V. M. (1996). *Field Structions in Language*. SPbGUEF. [In Russian]
- Pšeničnaja, A. Ju. (2012). Substantiation on the basis of adjectives as a type of usual conversion (on the material of Russian and French languages). *Naučnaja mysl' Kavkaza*, (4), 140–143.
- Red'kina, O. V. (2003). *Substantiation as a Semantic Phenomenon. Linguistic and Functional Aspects* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. <https://cheloveknauka.com/v/95032/a?> [In Russian]
- Rozental', D. E. & Telenkova, M. A. (2003). *Handbook of the Russian language. Dictionary of Linguistic Terms*. ONIKS. [In Russian]
- Savchuk, S. O., Arkhangelskiy, T., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., Podryadchikova, M. V. (2024). Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznaniya*, (2), 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34> [In Russian]
- Saj, S. S. (2011). *Participle. Materials for the project of corpus description of Russian grammar*. (<http://rusgram.ru>). (Manuscript) [In Russian]

- Smirnov, Ju. B. (2006). On the distinction between occasional and usual substantivated adjectives (lexicographic aspect). *Vestnik St. Peterburgskogo universiteta. Seriya 9*, (4), 57–67. [In Russian]
- Smirnova, E. V. (2007). *Occasional Substantives: Structure, Semantics, Functioning* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Smol'janinova, M. I. (1977). To the question of the degree of substantiation of rpiipartials. In A. N. Karpov (Ed.), *Aktual'nye Voprosy Leksiki i Grammatiki Sovremennogo Russkogo jazyka* (pp. 42–58). Tula Univ. [In Russian]
- Filippova, L. S. (2009). *Textbook on Modern Russian Language. Morphemics. Word Formation*. Flinta. [In Russian]
- Černega, L. V. (2011). Substantiation of participles in diachronic and synchronic aspects. *Vestnik Taganrofskogo gos. Ped. Univ.*, (1), 76–78. [In Russian]
- Čižova, V. A. (1997). *Substantiation of Adjectives and Participles in Modern Russian and Czech Languages* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Šigurov, V. V. (1988). *Transitional Phenomena in the Field of Parts of Speech in Synchronic Illumination. Study Guide*. Saratov univ. [In Russian]
- Duden, K. (2016). *Die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch*. 9. Auflage. Band 4. Dudenverlag.
- Elmiger, D. (2011). Von Dozierenden und Emeritierenden: Substantivierte Partizip-I-Formen im heutigen Deutsch. *Travaux neuchâtelois De Linguistique*, (55), 163–179. <https://doi.org/10.26034/tranel.2011.2797>
- Fuß, E. (2017). Relativierungsverhalten und syntaktische Kategorie substantivierter Adjektive. In S. Döring, J. Geilfuß-Wolfgang (Hg.), *Probleme der syntaktischen Kategorisierung: Einzelgänger, Außenseiter und mehr. VIII* (S. 43–100). Stauffenburg.
- Lenertová, G. (2017). Syncretism of parts of speech: Substantiation of adjective names. *Przegląd Rusycystyczny*, (3), 114–131. [In Russian]
- Pavlova, A. 2024. Substantivierte Adjektive und Partizipien und ihre Übersetzbarkeit (Deutsch und Russisch im Vergleich). In A. Nurmi, M. Hirvonen, M. Kivilehto, D. Krenzler-Behm, H. Oksanen, D. H. Schmitz, & A. Viljanmaa (Eds.), *Sprache der Gegenwart — Sprache für die Zukunft: Akten des 57. Linguistischen Kolloquiums*. (pp. 137–161). <https://doi.org/10.51814/ufy.1039.c1445>

Информация об авторе

Анна Владимировна Павлова, доктор философии, научный сотрудник, кафедра славистики, факультет переводоведения, прикладной лингвистики и культурологии, Майнцский университет, Майнц, Германия
anna.pavlova@gmx.de, <https://orcid.org/0000-0003-4843-5778>

Information about the author

Anna V. Pavlova, Doctor of Philosophy, Research Fellow, Slavic Department, Faculty “Language. Translation. Culture,” Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany
anna.pavlova@gmx.de, <https://orcid.org/0000-0003-4843-5778>